

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Альфредо Бонанно

**Повстанческие
анархисты против
нового технологического
порядка**

Альфредо Бонанно

Повстанческие анархисты против нового технологического порядка
1993

Перевод А. Бренера и Б. Шурц

Впервые опубликовано в сборнике «На ножах со всем
существующим», Умопомрачительные самиздат, Рига, 2006

Сохранено 16 сентября 2011г. из a-read.narod.ru

1993

Оглавление

1. Новая производственная и демократическая ментальность	6
2. Препятствия, возникшие перед постанческими анархистами на пути разрушения постиндустриального капитализма и государства	7
3. Переструктурирование технологий	8
4. Политическое, экономическое и военное переструктурирование	9
5. Крах реального социализма и возрождение различных форм национализма	10
6. Возможные направления массовой повстанческой борьбы за анархический коммунизм ...	12
7. Революционная анархистская повстанческая организация	14
8. Почему мы повстанческие анархисты	16

ных наук, стал пригоден лишь для менеджеров классового господства.

- потому что мы выступаем за немедленную и разрушительную атаку на представителей, структуры и организации Капитала и Государства.
- потому что мы хотим критиковать всех, кто находится в ситуации компромисса с властью и полагает, что революционная борьба сейчас невозможна.
- потому что, вместо того, чтобы ждать, мы решили действовать, даже если время к этому не располагает.
- потому что мы хотим положить конец нынешнему положению вещей прямо сейчас, а не «позже», когда условия для изменений «созреют».

Таковы причины, по которым мы являемся анархистами, революционерами и повстанцами.

Эта борьба часто носит общий (промежуточный) характер, то есть не имеет прямого разрушительного эффекта. Нередко она ставит перед участниками простые цели, но всегда включает задачу наращивания опыта и сил, чтобы в дальнейшем атаковать более значимые объекты с максимальным разрушительным эффектом.

Однако следует помнить, что конечной задачей общей (промежуточной) борьбы всегда является *атака*. В то же время несомненно, что отдельные товарищи, как и *группы близости*, могут наносить удары по индивидам или организациям капитала и государства самостоятельно, не включаясь в общую сеть.

Саботаж стал главным оружием эксплуатируемых в их борьбе, разворачивающейся на наших глазах. Контроль и господство капитализма никогда не достигали того уровня, какого ему удалось достичь сегодня с помощью информационных технологий. Эти последние не могут служить никакой иной цели, кроме сохранения власти боссов.

8. Почему мы повстанческие анархисты

Мы являемся повстанческими анархистами потому, что боремся вместе с *исключёнными*, чтобы облегчить и окончательно уничтожить условия эксплуатации, навязанные *включёнными*.

- потому что считаем нужным внести свой вклад в борьбу, возникающую повсюду спонтанно, и превратить эту борьбу в массовое восстание, то есть в *действительную революцию*.
- потому что мы хотим разрушить мировой капиталистический порядок, который, благодаря развитию компьютер-

С поздних семидесятых до середины восьмидесятых годов XX века промышленность ведущих капиталистических стран находилась в кризисе. Производительность падала. Сражения, ведущиеся профсоюзами, как и общепролетарские битвы (особенно сопровождавшиеся насилием) привели к резкому повышению трудовых затрат, росту безработицы и общей нестабильности. Доходы капитала падали, администрирование не срабатывало. Многим показалось, что из-за своей неспособности приспособиться к условиям кризиса система движется к неминуемому коллапсу.

Однако в середине восьмидесятых произошли резкие изменения. В промышленности обозначилось электронное направление. Первый и второй производственные секторы (тяжёлая промышленность и сельское хозяйство) всё ещё находились в упадке, рост безработицы продолжался. Но третий сектор (сфера обслуживания) расширился, поглощая огромные резервы рабочей силы. Это предотвратило следующий удар по экономике, которого капиталисты боялись больше всего.

Короче говоря, страхи по поводу новых бунтов и революций оказались необоснованы. Армии пролетариата не перешли в наступление. Вместо этого они начали тихо и мирно приспосабливаться к быстрым изменениям в структуре производства.

В тяжёлой промышленности происходила автоматизация. Роботы позволили капиталу достичь высоких степеней мобильности в производстве, а заодно — сократить вложения. Сектор обслуживания раздувался. Система приходила в себя. Большинство уволенных рабочих нашло способ выживать в новом — гибком и эластичном — капиталистическом универсуме.

1. Новая производственная и демократическая ментальность

Всё это было бы невозможно без появления новой пластичной ментальности на рабочем месте. Вдруг исчезла потребность в профессиональной квалификации рабочего и — одновременно — увеличился спрос на незначительные вспомогательные работы. Это совпало с кристаллизацией демократической ментальности.

Мифы среднего класса о совершенствовании знания, карьерных продвижениях и росте рабочего достатка стремительно улетучились. Как? Не без активного вмешательства системы на всех социальных уровнях. Во-первых, в школе, где были приняты менее строгие методы преподавания, специально придуманные для создания податливой и непритязательной персональности в молодых людях. Операция была проведена ловко, и молодёжь вскоре приучилась к работе и досугу такого рода, который привёл бы в ужас старшее поколение.

Во-вторых, нововведения затронули базовые политические структуры самых передовых капиталистических стран. Авторитаризм уступил место демократизации. Люди включились в фиктивные выборные процедуры, информационные игры и разнообразные публичные дискуссии и референдумы. Создалась видимость диалога и участия.

В-третьих, изменения коснулись производства, где, как мы уже сказали, стирание профессиональной квалификации и уничтожение «рабочих традиций» превратило производителей в прирученных и податливых соглашателей.

Всё это происходило в соответствии с общим духом времени. Грёзы о философской твёрдости и научной точности уступили

ра не привязана к центральным идеям периодических конгрессов, как это происходило с синдикалистскими организациями или анархистскими федерациями. Идеи и точки референции извлекаются из самой борьбы, а также из постоянного теоретического поиска, сопровождающего борьбу.

Группы близости могут образовать *base nuclei*. Задача этой структуры, пришедшей на смену профсоюзных организаций сопротивления и анархо-синдикалистских образований, — создать горизонт общих сражений. Поле действия *base nuclei* — любая возможная ситуация, в которой классовое господство устанавливает барьер между *включёнными* и *исключёнными*.

Base nuclei почти всегда образуется как следствие наступательных действий повстанческих анархистов, однако эта структура включает не только анархистов. В неё могут влиться все, разделяющие идею восстания.

Несколько *base nuclei* могут сформировать координирующую структуру с той же задачей — расширения горизонта сражений.

Все эти специфические организации основываются на принципах *перманентной конфликтности, самоуправления и атаки*.

Под *перманентной конфликтностью* мы под-разумеваем безостановочную борьбу против классового господства и тех, кто его поддерживает.

Под *самоуправлением* мы подразумеваем независимость ото всех партий, профсоюзов и любого патронажа, а также умение найти необходимые средства для организации и продолжения борьбы на основе спонтанных вкладов.

Под *атакой* мы подразумеваем отказ от всяких переговоров, посредничества, примирений и компромиссов с врагом.

Сфера действий *групп близости* и *base nuclei* — поле массовой борьбы, то есть капитал, государство, культура, ежедневная жизнь людей.

И мы не только считаем повстанческую борьбу возможной, но, ввиду полного разрушения традиционных форм сопротивления, думаем, что только в этом направлении и нужно двигаться, если мы не хотим принять условия, навязываемые врагом, и превратиться в лоботомизированных рабов, в незначительную деталь гигантской информационной машины, которая становится хозяином этого мира.

Всё более широкие слои *исключённых* отворачиваются прочь от консенсуса, несмотря на бесчисленные посулы капитала. Целые социальные группы, ещё недавно достаточно стабильные, вдруг оказались в зоне риска. Они не верят, что спасутся, погрузившись в работу и ограничив своё потребление.

7. Революционная анархистская повстанческая организация

Мы считаем, что вместо федераций и групп, организованных в традиционном порядке, то есть вместо всего того, что принадлежало к экономическим и социальным структурам, более не существующим, мы должны создавать *группы близости*, базирующиеся на силе взаимного личного знания. Эти группы смогут выполнять специфические взаимосвязанные действия против врага.

Что касается практических аспектов, мы полагаем, что между группами и индивидами должна существовать связь и сотрудничество, обмен документацией и всеми средствами, требующимися для нанесения ударов. Что касается анализов, то необходима их широкая циркуляция, распространение публикаций, а также обсуждение специфических вопросов на встречах и в ходе дебатов. Повстанческая организационная структу-

место «слабой» модели, базирующейся не на риске и смелости, но на выживании в коротком промежутке, на принципе «мы ни в чём не уверены» и «всё сгодится».

Разрушая старую и во многих отношениях отжившую модель авторитаризма, демократическая ментальность в то же время утверждала идеологию компромисса на всех возможных уровнях. В результате утвердилась мораль сдачи, когда достоинство угнетённых оказалось обменено на гарантированное, хотя и не очень уютное, выживание. Битва ослабла и отдалилась.

2. Препятствия, возникшие перед повстанческими анархистами на пути разрушения постиндустриального капитализма и государства

Несомненно, одним из препятствий в борьбе против современного капитала и государства является вышеописанная аморфная ментальность. Она несравнима со старым поиском социальной безопасности. Скорее это просто желание найти нишу, в которой можно выживать, как можно меньше работать, принять все правила системы и пренебречь идеалами и проектами, мечтами и утопиями. Лаборатории капитала провели отличную работу в этом направлении. Школа и фабрика, культура и спорт объединились, чтобы производить индивидов, прирученных во всех отношениях, неспособных ненавидеть и страдать, различать своих врагов и друзей, мечтать, бороться, атаковать власть, стремиться к изменению мира.

Другое препятствие, связанное с первым, состоит в том, что производство само по себе отодвинулось на край постинду-

стриального комплекса. Расчленение класса производителей перестало быть туманным проектом — оно сделалось реальностью. Разделение на многочисленные маленькие подгруппы и секторы, конкурирующие между собой и действующие друг против друга, усугубило общую маргинализацию пролетариата.

Стремительно деградировали традиционные структуры рабочего сопротивления (партии, профсоюзы). Профсоюзный активизм старого типа начал исчезать, в первую очередь тот, что тяготел к революции и самоуправлению. Но что ещё более важно, мы стали свидетелями коллапса коммунизма, претендовавшего на построение социалистического государства (с помощью идеологического контроля и полицейских репрессий).

Трудно утверждать, что появилась хоть какая-нибудь новая организационная стратегия, способная ответить на все эти изменения капиталистического производства и социальной реальности в целом.

Идеи и предложения повстанческих анархистов, выступающих за неформальные отношения между индивидами и группами, ещё никогда не подвергались внимательному рассмотрению в свете трансформации капитала. Идеи эти чаще всего встречали прохладный приём в среде товарищей, не желающих сойти со старых путей мышления и боящихся новых методов организации.

Из-за важности данных проблем для битвы против тотального контроля и репрессий, стоит глубже в них взглянуться.

3. Переструктурирование технологий

Нынешняя технологическая революция, базирующаяся на

уже уважения к своей работе, гордости за неё, желания совершенствовать своё умение. Исчезло чувство принадлежности к группе производителей, где можно сплотиться и сопротивляться, образовывать профсоюзные связи, совместно практиковать саботаж, антифашистское действие, рабочую агитацию. Всё это дела прошлого и условия для них раз и навсегда исчезли. Ситуация радикально изменилась. Сознание фабрики перестало существовать.

Профсоюз превратился в школу карьеристов и политиканов. Дезинтеграция быстро распространилась за пределы фабрики и захватила всю социальную ткань, разрывая связи солидарности и дружбы, превращая людей в безликих чужаков, в автоматы, функционирующие в лихорадочной повседневности мегаполисов или смертоносном молчании провинций. Конкретные интересы и отношения были замещены рекламными картинками и виртуальными образами, созданными, чтобы обеспечить минимальные сцепления для поддержки всего социального механизма. Телевизор, спорт, концерты, искусство, туризм, культурные мероприятия образовали надёжную инфраструктуру для тех, кто пассивно ждёт ближайших событий вроде следующего бунта, очередного кризиса, новой войны, ещё одного геноцида.

Именно эту ситуацию мы должны иметь ввиду, говоря о восстании. Мы, повстанческие революционные анархисты, не ссылаемся на то, чего ещё нет, но лишь на то, что уже случилось. Мы не ссылаемся на далёкую, невозможную модель, которую мы, подобно досужим сновидцам, стараемся внедрить в жизнь, ничего не подозревая о грандиозных изменениях, происшедших за последнее время. Мы живём в наши скверные дни. Мы — дети конца тысячелетия, участники и свидетели радикальных трансформаций, развернувшихся на наших глазах.

ного капитализма. Многие будут контролироваться богатыми странами и мультинациональными гигантами. Но в сущности, все они представляют собой переходный период, своего рода эпилептический припадок, после которого даже следы старого государственного организма будут неразличимы.

Сейчас мы можем лишь предполагать, как это случится, основываясь на рассмотрении сегодняшних условий.

6. Возможные направления массовой повстанческой борьбы за анархический коммунизм

Исчезновение великой профсоюзной иллюзии сопротивления, совпавшее с коллапсом рабочего класса, позволяет нам увидеть другую возможность организации борьбы. Всё зависит от реальной готовности исключённых, то есть массы эксплуатируемых (производителей и не-производителей, находящихся ниже уровня гарантированных зарплат), восстать и сражаться.

Идея атаки, основанной на действиях *групп близости* и их координации и направленной на создание наилучших условий для широкого восстания, часто наталкивается на кирпичную стену — даже среди заинтересованных товарищей. Многие считают эту идею отжившей, характерной для конца 19 века и уж во всяком случае неактуальной. И это действительно было бы так, если бы условия производства (например, структуры фабрики) остались теми же, что и сто или пятьдесят лет назад. Повстанческий проект оказался бы совершенно неуместен, если бы эти структуры и соответствующие им организации профсоюзного сопротивления существовали по-прежнему. Но их больше нет и присущая им ментальность тоже исчезла. Нет

информационных технологиях, на лазере и атоме, на новых материалах, подобных оптическому волокну, позволяет транспортировать и потреблять энергию со скоростью и на расстояниях, прежде немыслимых. Речь идёт также о генетических модификациях, затрагивающих не только сельское хозяйство и животноводство, но и человека. Всё это не просто «изменило мир», но создало условия, при которых трудно планировать даже ближайшее будущее — и не только тем, кто поддерживает нынешний порядок, но и тем, кто хочет его разрушить.

Случилось так, что новые технологии, внедрившиеся и трансформировавшие сегодняшний контекст (выстраивавшийся по крайней мере в течении прошедших 2000 лет), оказались способными привести к непредсказуемым последствиям. И некоторые из этих последствий могут быть совершенно разрушительными — далеко по ту сторону опустошительных эффектов атомных взрывов.

Отсюда необходимость проекта, направленного на разрушение технологий; проекта, основывающего все свои политические и социальные подходы на этом императиве.

4. Политическое, экономическое и военное переструктурирование

Глубокие изменения произошли также в экономическом секторе. Они повлияли на политическую ситуацию в развитых капиталистических странах — с последующим эффектом на военный сектор.

Новые границы возникли в постиндустриальном капитализме. Статический концепт производства, связанный с тяжёлой индустрией и огромными заводами, способными производить

множество продуктов, был превзойдён идеей фрагментированного производства, ориентированного на быстрые перемены, технологические инновации, удовлетворение мгновенного спроса и выпуск стильных, индивидуализированных товаров. Постиндустриальный продукт не требует высокопрофессионального труда, но зависит от машинного перепрограммирования и дизайнерских включений. Уменьшаются затраты на хранение и дистрибуцию продукции, упрощается задача ликвидации устаревших и непроданных товаров.

Указанные тенденции проявились уже в начале восьмидесятых, а в конце десятилетия стали нормой. Должна была измениться и политическая ситуация — чтобы соответствовать новой экономической реальности.

В начале девяностых годов капитал и государство сосредоточились на тщательном отборе и производстве политических менеджеров, способных осознать и принять экономические нововведения. В США и Великобритании период авторитаризма в политике кончился и утвердилась более подвижная, гибкая и вариативная форма администрирования, которая затем стала хорошим политическим тоном повсюду.

5. Крах реального социализма и возрождение различных форм национализма

В старом капиталистическом мире любое сближение со странами реального социализма казалось опасным и фантастичным. Но рождение нового компьютеризованного капитализма не просто облегчило процесс сближения — оно привело страны социализма к коллапсу и полной капитуляции.

Жёсткие авторитарные режимы, основанные на таких идеологических каламбурах, как «пролетарский интернационализм», не соответствовали требованиям, выдвинутым новыми структурами производства. И социалистические боссы пришли к выводу, что существует лишь две возможности: либо застрять в прошлом, маргинализироваться и окончательно «закрыться», либо решительно демократизировать свой политический аппарат и открыться технологическому переструктурированию. Поражение в возможной войне, где новые технологии — первоочередной фактор, заставило социалистических функционеров принять вторую возможность.

Именно тогда значение армии кардинально изменилось в глобальном масштабе. С одной стороны, увеличилось влияние военных на внутренние дела, а с другой — армии опять стали активно играть роль мирового жандарма, в первую очередь армия США. Пожалуй, такое положение продлится ещё довольно долго.

Соответственно, возрождение национализма принесло с собой один положительный, хотя и ограниченный, элемент, и другой — чрезвычайно опасный. Непосредственным эффектом этого возрождения стало опрокидывание и расчленение больших государств. Любое движение, идущее в эту сторону, нужно приветствовать, даже если на поверхности оно выглядит как консервативный, традиционалистский поворот.

Другой момент — несомненно опасный — это риск распространения войн между маленькими государствами. Эти войны ведутся обычно с чудовищной жестокостью и сопровождаются страшными страданиями. И всё это — во имя жалких принципов и столь же жалких альтернатив.

Многие из этих войн приведут воюющие страны к более действенной и структурированной модели постиндустриаль-